

6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 316 с.

7. Устименко В.В. Специальный субъект преступления / В.В. Устименко. – Х.: Выща школа; Изд-во при ХГУ, 1989. – 104 с.

8. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву: [монография] / Ю.Е. Пудовочкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 293 с.

9. Семейный кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2002. – № 21–22. – Ст. 135.

10. Пасечник Н. Кто є утриманцем за сімейним законодавством? / Н. Пасечник // Юридичний журнал. – 2004. – № 7 (25). – С. 50–53.

11. Павлов В.Г. Субъект преступления / В.Г. Павлов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 318 с.

12. Сапейко Л.В. Аліменти дітям та батькам: [монографія] / Л.В. Сапейко, В.А. Кройтор. – Х.: Еспада, 2008. – 160 с.

13. Уголовный кодекс Украины: [научно-практический комментарий] / отв. ред. С.С. Яценко. – 3-е изд. исправл. и дополн. – К.: А.С.К., 2003. – 1088 с.

14. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=gus>.

15. Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – №№ 40–44. – Ст.356.

О НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Семен СИЛАЕВ,

старший преподаватель

кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета
Кемеровского государственного университета

Summary

The paper is devoted to analysis of the problems concerning the imposition of punishment for delicta continuata. Taking into account the experience of criminal legislation in several Eastern European states, it is proposed that continued nature of an offence should be considered, in principle, as an optional aggravating circumstance allowing imposition of punishment beyond the statutory sanctions. Nevertheless, in view of the universal domination of penal populism and repressive expansionism, the ambiguity of such legal regulations is shown.

Key words: delictum continuatum, imposition of punishment, aggravating circumstances.

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы назначения наказания за продолжаемые преступления. С учётом опыта уголовного законодательства ряда восточноевропейских государств обосновывается принципиальная правильность признания продолжаемого характера деяния факультативным отягчающим обстоятельством, позволяющим назначать наказание за пределами установленной законом санкции. При этом, однако, обращается внимание на неоднозначность такого законодательного решения в условиях всеобщего господства карательного популизма и репрессивного экспансионизма.

Ключевые слова: продолжаемое преступление, назначение наказания, отягчающие обстоятельства.

Постановка проблемы. Исследованием продолжаемых преступлений занимались многие советские и российские учёные-юристы, однако их интересовали едва ли не исключительно вопросы квалификации (прежде всего – проблема отграничения продолжаемых преступлений от множественности); назначению же наказания за такие общественно опасные деяния в отечественной литературе уделялось куда меньше внимания. Недостаточная разработанность данного аспекта учения о продолжаемом преступлении нередко оборачивалась тем, что весь процесс применения уголовного закона ставился с ног на голову: давая рекомендации относительно правовой оценки ряда эпизодов преступной деятельности, советские специалисты фактически предлагали квалифицировать содеянное так, чтобы можно было назначить более строгое наказание. Вот весьма характерный пример подобного рода рассуждений:

«Признавая единым продолжаемым преступлением неоднократные мелкие хищения, совершённые лицом из одного и того же источника, одинаковым способом и пр., если общая сто-

имость и общие размеры похищенного имущества тоже являлись мелкими, действия виновного пришлось бы квалифицировать... как мелкое хищение, совершённое в первый раз. Нечего и говорить, что это было бы прямым нарушением закона», ибо такая квалификация «привела бы к необоснованному снижению наказания в отношении лиц, совершающих наиболее опасные, а именно повторные мелкие хищения» [13, с. 114–115]. В то же время, продолжают свою мысль Г.А. Мендельсон и Ю.М. Ткачевский, «встречаются случаи, когда виновный, совершая ряд мелких хищений, в конечном итоге похищает социалистическое имущество на такую сумму или в таком размере, которые в значительной степени (в несколько раз) превышают ту стоимость и тот размер похищенного имущества, при котором хищение имущества считается мелким. <...> Подобное хищение, взятое в целом, причиняет значительный ущерб и по степени своей общественной опасности выходит за рамки преступлений, предусмотренных Указом от 10 января 1955 г.» (т. е. мелких хищений) [13, с. 117–118]. За непременно повторением всех ме-

таправовых идеологом советской эпохи 70–80 гг. прошлого века о «повышенной общественной опасности», о полезности «более строгих мер наказания» как средства «необходимого воспитательного воздействия на неустойчивых членов общества» и «обеспечения надлежащего частнопредупредительного и общепредупредительного воздействия приговора суда» следует вывод: такие многоэпизодные хищения должны расцениваться как единое преступление (при этом даже *pro forma* не упоминается субъективное единство как обязательный признак продолжаемого преступления).

Приведённый подход представляется порочным в самой своей основе, ибо выбор меры уголовной ответственности может осуществляться только после того, как дана уголовно-правовая квалификация, но никак не предшествовать ей. Критикуемая же нами позиция, напротив, предполагает необходимость сначала «интуитивно» определиться с «заслуженным» наказанием и лишь потом «подогнать» под это наказание «соответствующую» квалификацию.

Актуальность темы. К сожалению, это не изжито и по сей день. В частности, Н.И. Прягина и В.Ф. Щепельков полагают, что «поскольку продолжаемое преступление представляет собой в известной мере систему действий, то ответственность за продолжаемое преступление должна быть не менее строгой по сравнению с ответственностью за совокупность преступлений» (и с этим, хотя и со многими оговорками, ещё можно было бы согласиться). Однако далее, констатируя тот факт, что данная логика не всегда выдерживается, названные авторы отмечают, что «именно этим обстоятельством объясняется разнობой в правоприменительных решениях, когда в одних случаях содеянное квалифицируется как продолжаемое преступление, а в других – как совокупность преступлений. Практика подобным образом сглаживает несоответствие возможных правовых последствий, старается сделать их более справедливыми» [17, с. 11].

По нашему мнению, такого рода «сглаживание несоответствий» вступает в конфликт с принципом законности, ибо уголовно-правовые последствия деяния должны определяться

нормами действующего уголовного законодательства, а не дериватами «пролетарской совести и революционного правосознания». И если с точки зрения закона, преступление является единым, то его недопустимо искусственно превращать в совокупность (и наоборот). В то же время нельзя не признать, что нынешний Уголовный кодекс Российской Федерации (равно как и Уголовный кодекс Республики Молдова) предусматривая исчерпывающий перечень отягчающих обстоятельств, не позволяет во всех случаях должным образом индивидуализировать наказание за продолжаемое преступление. Выходом из сложившейся ситуации, на наш взгляд, должно стать дополнение ст. 63 УК РФ (ст. 77 УК РМ) указанием на продолжаемый характер деяния.

Целью данной статьи является необходимость исследования проблемы назначения наказания за продолжаемые преступления. С учётом опыта уголовного законодательства ряда восточноевропейских государств обосновать принципиальную правильность признания продолжаемого характера деяния факультативным отягчающим обстоятельством, позволяющим назначать наказание за пределами установленной законом санкции.

Изложение основного материала исследования. Подобные предложения эпизодически высказывались в отечественной уголовно-правовой литературе [15, с. 639], хотя они и не нашли широкой поддержки. В ряде зарубежных стран такое решение вопроса закреплено законодательно, причём в тех кодексах, что принимались под влиянием идей социологической школы уголовного права, предусматривается возможность назначения в подобных случаях более строгого наказания, чем определено соответствующей статьёй особенной части. Так, ст. 71 УК Бразилии 1940 г. (в редакции от 11 июля 1984 г.) позволяет повышать наказание за продолжаемое преступление на величину, составляющую от 1/6 до 2/3 максимального размера санкции, а ст. 81 УК Италии 1930 г. – второе. Аналогичный подход встречается и в некоторых уголовных законах, принятых на протяжении последнего десятилетия и воплощающих уже совершенно иные теории. Так, в 2009 г. возможность назначения за продолжаемое преступле-

ние наказания вдвое выше верхнего предела санкции была предусмотрена в Уголовном кодексе Сербии (ч. 7 ст. 61), а в 2010 г. – в Уголовном кодексе Черногории (ч.ч. 5 и 6 ст. 49); ч. 4 ст. 52 Уголовного закона Хорватии, вступившего в силу с 1 января 2013 г., устанавливает, что за продолжаемое преступление может быть назначено наказание, наполовину превышающее максимальный размер наказания, предусмотренного за соответствующее преступление. Аналогичный порядок прописан и в ч. 1 ст. 36 нового Уголовного кодекса Румынии: согласно данной норме, за продолжаемое преступление назначается наказание, предусмотренное за совершение данного преступления, максимальный размер которого может быть увеличен не более чем на три года в случае лишения свободы или, соответственно, не более чем на одну треть в случае штрафа.

Проведённое нами конкретно-социологическое исследование выявило поддержку подобного подхода со стороны значительного числа правоприменителей. По специально разработанной анкете было опрошено 238 рассматривающих уголовные дела судей судов общей юрисдикции из 15 субъектов Российской Федерации. Среди прочего в анкете предлагалось ответить на вопрос о том, следует ли законодательно предусмотреть продолжаемый характер преступления в качестве отягчающего обстоятельства. 42 респондента (17,6 %) высказались однозначно в поддержку данного решения, 55 респондентов (23,1%) посчитали целесообразным предусмотреть такое отягчающее обстоятельство в качестве факультативного. И хотя те, кто отрицательно относится к подобному нововведению, оказались в большинстве, однако большинство это отнюдь не является подавляющим (138, т. е. 58,0 % опрошенных). Нельзя не отметить и такую корреляцию: с увеличением стажа работы увеличивается доля сторонников придания продолжаемому преступлению уголовно-правового значения отягчающего обстоятельства.

Представляется, однако, что, внося соответствующие дополнения в УК РФ, следует не только принимать во внимание имеющийся зарубежный опыт законодательного регулирования интересующего нас вопроса и мнение

практических работников, но и опираться на прочное теоретическое обоснование, которое не может (не должно) сводиться к эксплуатации царящей в обществе «моральной паники» по поводу преступности и призывам к «нулевой терпимости» и ужесточению ответственности за всё и вся, т. е. к постулатам пресловутого карательного популизма как одного из проявлений того, что актуальный словенский философ С. Жижек называет «постполитической биополитикой», или «политикой страха» [10, с. 36].

Во-первых, необходимо учитывать правовую природу продолжаемого преступления как единичного преступления, имея в виду, что в большинстве государств, образовавшихся в результате демонтажа СССР, включая Россию и Молдову, преобладают субъективные концепции, согласно которым единство данной юридической конструкции предопределено внутренним единством образующих её деяний, т. е. единством не только формы, но и содержания вины, обусловленным единством преступной мотивации. В этой связи в наши уголовно-правовые системы не вписываются широко распространённые в европейской доктрине представления о продолжаемом преступлении как о своеобразной юридической фикции, состоящей в формальном признании единичным преступлением того, что фактически является реальной совокупностью. Хотя учение о продолжаемом преступлении и разрабатывалось изначально в рамках учения о совокупности как реакция на чрезмерную жёсткость принципа *quot crimina, tot poenae* и, таким образом, призвано было на первых порах смягчить наказание [1, с. 16–17], вряд ли целесообразно сохранять сегодня средневековые представления об основаниях данного института. Мы считаем ряд противоправных деяний одним преступлением не потому, что нам «жаль» назначать виновному строгое наказание, а потому, что вся эта линия поведения является порождением единого умысла или одной неизвинительной ошибки, лежащей в основе уголовно значимой неосторожности. Стало быть, для нас неприемлемы суждения тех германских и югославянских авторов, что требуют едва ли не полностью отказаться от конструкции продолжаемого пре-

ступления как от некоего архаизма, в котором в современных условиях будто бы нет никакой необходимости, кроме разве что «процессуальной экономии», ибо суд сегодня может назначать наказание по совокупности преступлений путём не только полного, но и частичного сложения и даже поглощения менее строгого наказания более строгим [2, с. 376–377; 9, с. 289]. На постсоветском пространстве подобного рода аргументы могут использоваться скорее для критики института неоднократности (повторности), широко распространённого в советском уголовном праве и предусматривавшегося в первоначальных редакциях УК РФ (ст. 16) и УК РМ (ст. 31), а ныне упразднённого. С учётом этого обстоятельства невозможно «трансплантировать» в российское и молдавское уголовное право идеи ужесточения ответственности за продолжаемое преступление, базирующиеся на полном отождествлении его с реальной совокупностью [8, с. 137–138].

Во-вторых, усиление наказания за продолжаемое преступление должно производиться в условиях неукоснительного соблюдения принципа справедливости и, прежде всего, такого его аспекта, как дифференциация и индивидуализация ответственности (ч. 1 ст. 6, ч. 3 ст. 60 УК РФ; ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 75 УК РМ).

Как известно, в основе дифференциации и индивидуализации ответственности лежит учёт, во-первых, характера и степени общественной опасности (вредности) учинённого преступления и, во-вторых, свойств личности виновного. Не стоит искать в продолжаемом преступлении каких бы то ни было особенностей, повышающих степень общественной опасности самого деяния: один и тот же вред может быть причинён как в один момент, так и путём совершения целого ряда поведенческих актов. В то же время, как справедливо отмечал ещё С.В. Познышев, в случае продолжаемого преступления «у виновного было время ещё раз подумать и изменить своё преступное настроение, и то, что он его не изменил, доказывает устойчивость стремления к преступлению» [15, с. 639]. Аналогичную точку зрения высказывал югославянский криминалист Й.Л. Бутурович: «...если продолжаемое преступление совершено посредством

большого числа деяний и на протяжении длительного временного периода, то это может свидетельствовать о высокой степени упорства виновного в учинении преступления» [1, с. 176]. Глубина и стойкость криминальной мотивации, как правило, свидетельствуют о повышенной общественной опасности личности, и в этом плане учинитель продолжаемого преступления нередко приближается к серийным преступникам, но, повторимся, лишь в случаях, когда временной разрыв между первым и последним эпизодом продолжаемого преступления значителен (равно как и количество этих эпизодов). Если же продолжаемое преступление состоит из двух деяний, разделённых несколькими часами, то в такой ситуации вряд ли можно говорить о более высокой общественной опасности виновного по сравнению с лицом, совершившим одномоментное преступление того же рода и вида.

Таким образом, оптимальным решением было бы признать, что продолжаемый характер преступления может (но не обязательно должен) учитываться как отягчающее обстоятельство и, соответственно, усиливать наказание, в том числе и с выходом за пределы соответствующей санкции, что предполагает внесение соответствующих изменений в ч. 1 ст. 60 и ст. 63 УК РФ (ч. 1 ст. 77 и ст. 78 УК РМ). Вместе с тем, подобные коррективы не должны повлечь новых проявлений бессистемности в общей части уголовного закона. Коль скоро продолжаемое преступление – это единое преступление (причём не только и не столько в силу указания закона, сколько по самой своей природе), правила назначения наказания за него не должны оказаться более строгими, нежели правила, установленные для совокупности преступлений. Это в особенности актуально для России, поскольку действующая редакция ч. ч. 2 и 3 ст. 69 УК РФ (в отличие от ч. 1 ст. 84 УК РМ) существенно ограничивает возможности применения метода сложения, предусматривая, что окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжких из входящих в совокупность преступлений. Поэтому норма, регулирующая порядок назначения наказания за

продолжаемое преступление, могла бы быть включена в УК РФ в качестве ст. 691, имеющей примерно следующую редакцию: «К лицам, виновным в совершении продолжаемого преступления, правила, предусмотренные ст. 69 настоящего Кодекса, не применяются. Таким лицам назначается наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса. Если суд сочтёт продолжаемый характер преступления обстоятельством, отягчающим наказание, то виновному может быть назначено более строгое наказание, срок или размер которого не может превышать более чем на одну четверть (или на одну треть) максимальный срок или размер наказания, установленного за соответствующее преступление». В Уголовном кодексе Республики Молдова аналогичное предписание могло бы быть оформлено либо в виде отдельной статьи с присвоением ей номера 841, либо в виде новой части ст. 78.

Интересно, что примерно так же по интересующему нас вопросу более ста тридцати лет тому назад высказывался выдающийся сербский учёный-юрист и государственный деятель Й.Дж. Авакумович. «Коротко говоря, – писал он, – наказание за продолжаемое преступление отмеряется по всем тем общим правилам, по коим назначается наказание и за простое преступление, с тем лишь, что продолжение служит отягчающим обстоятельством при сопоставлении с равным во всём остальном простым преступлением». И далее: «... судья должен прежде всего размыслить и оценить, какое бы он наказание положил за сие преступление, когда бы оно было простым, а затем к сему наказанию прибавить определённую меру, которую он сочтёт соразмерной ввиду продолжения преступных деяний» [7, с. 51–53]. При этом данный автор особо подчёркивал, что его позиция не предполагает, что каждое продолжаемое преступление должно наказываться строже, чем простое, – это было бы ничем не оправданной строгостью. Соглашаясь в общем и целом с приведёнными взглядами Й.Дж. Авакумовича, отметим лишь некоторую неточность, допущенную им при указании на определённый дуализм продолжаемого преступления, которое, по его мнению, является отягчающим или смягчающим

обстоятельством: «Всё зависит от того, с чем сравнивается продолжаемое преступление. По отношению к единичному простому преступлению продолжаемое преступление есть и должно быть отягчающим обстоятельством; а по отношению к реальной совокупности нескольких преступлений продолжаемое преступление есть смягчающее обстоятельство» [7, с. 48–49]. Как известно, учёт смягчающих и отягчающих обстоятельств производится при назначении наказания за каждое из входящих в совокупность преступлений, а не при определении окончательного наказания по методу сложения или поглощения; стало быть, нет и не может быть смягчающих (равно как и отягчающих) обстоятельств по отношению к совокупности. Однако итоговый вывод Й. Дж. Авакумовича представляется нам абсолютно правильным: при прочих равных условиях продолжаемое преступление должно наказываться строже, чем единичное, но мягче, чем совокупность таких же преступлений [ср.: 3, с. 278].

Подобное решение вопроса предлагалось и в отечественной науке уголовного права. Так, проф. Л.Л. Кругликов отмечал, что «теоретически возможно и практически целесообразно выделение в уголовном праве категории обстоятельств дела, которая, по сути, представляет собой «буферную группу» между обычными обстоятельствами, влияющими на наказание (преимущественно именуемыми смягчающими и отягчающими), и так называемыми специальными (квалифицирующими). От обычных обстоятельств (ст. 61 и 63 УК) их отличает законодательная конкретизация силы их влияния на наказание непосредственно в Общей части Кодекса, а от специальных – нейтральность в плане влияния на квалификацию содеянного и необязательность выхода за пределы санкции статьи» [11, с. 571]. В качестве одного из таких «буферных» обстоятельств данный автор называет как раз продолжаемый характер деяния.

Представляется, что подобное расширение полномочий суда при назначении наказания не только будет содействовать более полной реализации принципа справедливости, но и создаст здоровую основу для объективной уголовно-правовой оценки содеянного,

исключающую как экстенсивное применение института продолжаемого преступления, так и необоснованный отказ от его применения. Вместе с тем, имеются определённые факторы, делающие такое законодательное решение проблематичным. Во-первых, это жупел коррупции; во-вторых, уголовно-правовой экспансионизм как генеральная линия современной антикриминальной политики и карательный популизм как её идеологическая база.

Первое из названных препятствий для внесения предлагаемых нами изменений, по-видимому, менее существенно, хотя упрёков в «потенциальной коррупциогенности» избежать, скорее всего, не удастся. Тем, кому всюду мерещится призрак коррупции, хотелось бы напомнить известные слова популярного ныне классика, сказанные без малого двести лет назад: «Существует ли такой закон, который, в силу внутренней необходимости, в каждом отдельном случае применялся бы непременно в духе законодателя...? Нужна невероятная смелость, чтобы называть подобную бессмысленную задачу философским камнем, так как только крайнее невежество может ставить подобную задачу. Закон всеобщ. Случай, который должен быть определён на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение. Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда судьи были бы излишни». При этом судья в правовом государстве – это не «потенциальный взяточник», каковым его изображает бульварная пресса в союзе с безответственными политиками-демагогами, а лицо высоких моральных принципов, для которого «нет другого начальника, кроме закона. Судья обязан толковать закон, в применении к отдельному случаю, так, как он понимает закон при добросовестном рассмотрении» [12, с. 6667]. Об этом же в конце позапрошлого века писал и известный бельгийский криминолог А. Принс: «Не следует сожалеть о том, что судьбе предоставлена свобода, но следует сожалеть о том, что у него в распоряжении нет никакого компаса. Ни текст закона, ни судебная практика, ни доктрина не определяют, как ему следует поступать, и когда он, часто на авось,

проявляет снисходительность или суровость, он ограничивается лишь тем, что отражает несовершенное состояние права». И далее: «Правосудие не есть ремесло; оно трудная наука, и даже более: сложное искусство. Оно требует очень надёжного такта в щекотливом обращении с законами и людьми» [16, с. 97, 101]. Таким образом, надлежащее осуществление правосудия обеспечивается не сужением судейского усмотрения вкупе с тотальными подозрениями в коррупции, а надлежащей кадровой политикой и ликвидацией пришедшего на смену «телефонному» «телевизионно-интернетного права». При таких условиях предоставленная судам широкая свобода действий будет не препятствовать, а лишь способствовать принятию законных, обоснованных и справедливых решений.

Сложнее обстоит дело с произошедшими в последние десятилетия сдвигами в политике противодействия преступности, которые шведский криминолог Хенрик Там определяет как *shift from crime policy to crime politics* [6, с. 414]. Речь идёт о том, что многие страны мира столкнулись с проблемой очевидной неадекватности законодательных санкций, ставшей итогом потакания завышенным репрессивным запросам населения. Сравнительные уголовно-политические исследования показывают, что там, где законодатель «увлекается» ужесточением наказания, неизбежно возникает конфликт между законодателем и судебной практикой, в результате чего эти субъекты проводят каждый «свою» уголовную политику. Симптомом этого кризиса является то, что по многим категориям уголовных дел выносятся приговоры с назначением наказания не свыше одной трети предусмотренного законом максимального наказания [5, с. 58]. Во многом из-за чрезмерно суровых санкций в той же Сербии суды так и не воспользовались предоставленным им правом ужесточать наказание за продолжаемое преступление, вследствие чего ч. ч. 7 и 8 ст. 61 УК данной страны были исключены всего через три года после их введения [4, с. 125126].

Сказанное в полной мере касается и России. Анализ судебной практики свидетельствует, что, например, по делам о незаконном сбыте наркотических средств (а для таких преступле-

ний продолжаемый характер довольно типичен) суды крайне часто назначают наказание с применением ст. 64 УК РФ, т. е. ниже низшего предела санкции. В ч. 1 ст. 2281 УК РФ предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 8 лет; суды же по факту назначают осуждённому по данной статье в среднем от одного года до трёх лет лишения свободы [14, с. 8384]. Таким образом, зачастую не реализуется даже уже имеющийся карательный потенциал уголовного закона, что снимает с повестки дня вопрос о каком бы то ни было ужесточении ответственности за подобные преступления. В то же время, по другим категориям уголовных дел (например, о некоторых формах хищений, где санкции более адекватные) специальные правила назначения наказания за продолжаемые преступления были бы вполне востребованы правоприменителями.

Выводы. Подводя итог всему вышеизложенному, считаем, что предлагаемый нами порядок назначения наказания за продолжаемые преступления, не нарушая принцип нормативной определённости, обеспечит более полное достижение целей наказания (в первую очередь, частного предупреждения) и более строгое соблюдение правил квалификации содеянного, но только в контексте рациональной уголовной политики, где нет места установлению несоразмерно высоких санкций.

Список использованной литературы:

1. Buturović J.Lj. *Produženo krivično delo*. – Beograd : Privredna štampa, 1980. – 239 str.
2. Novoselec P. *Opći dio kaznenog prava*. – 3. izd. – Zagreb : Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2009. – XX, 574 str.
3. Pașca V. *Drept penal. Partea generală*. – București : Universul Juridic, 2011. – 567 p.
4. Stojanović Z. *Da li je Srbiji potrebna reforma krivičnog zakonodavstva?* // *Crimen*. – 2013. – God. IV. – Br. 2. – Str. 119–143.
5. Stojanović Z. *Kaznena politika u Srbiji: sukob zakonodavca i sudske prakse // Kaznena reakcija u Srbiji. II deo*. – Beograd : Pravni fakultet Univerziteta, 2012. – Str. 1–17.

6. Tham H. *Law and order as a leftist project? (The case of Sweden)* // *Punishment and Society*. – 2001. – Vol. 3. – № 3. – P. 409–426.

7. Авакумовић Ј.Ђ. Продужени злочин. – Београд : Штампарија задруге штампарских радника, 1882. – 70 с.

8. Бачић Ф. Продолжено кривично дело // *Годишник на Правниот факултет во Скопје*. – 1965. – С. 119–142.

9. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2006. – 560 с.

10. Жижек С. О насилии / С.О. Жижек. – М. : Европа, 2010. – 184 с.

11. Кругликов Л.Л. Конкретизация уголовно-правового значения обстоятельств дела как законодательный приём / Л.Л. Кругликов // *Проблемы юридической техники*. – Нижний Новгород, 2000. – С. 564–577.

12. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания // К. Маркс, Ф. Энгельс // *Сочинения*. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – 1955. – С. 30–84.

13. Мендельсон Г.А. Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного и общественного имущества / Г.А. Мендельсон, Ю.М. Ткачевский. – М. : Госюриздат, 1957. – 148 с.

14. Михайленко И.В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление / И.В. Михайленко. – Кемерово : КемГУ, 2013. – 115 с.

15. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд. А.А. Карцева, 1912. – 653 с.

16. Принс А. Преступность и репрессия (Уголовно-юридический очерк) / А. Принс. – М. : Изд. кн. маг. Гросмань и Кнебель, 1898. – 210 с.

17. Пряхина Н.И. Об ограничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений / Н.И. Пряхина, В.Ф. Щепельков // *Криминалист*. – 2011. – № 1 (8). – С. 6–11.